

Глава третья

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖУРНАЛА.

**Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов
и другие**

1

В 1834 году журнал начал выходить под новым названием, которое навсегда останется в истории русской культуры: «Журнал Министерства Народного Просвещения». Под этим названием журнал прославился, стал настольной книгой для сотен просвещённых людей в России и за её пределами. То было подъёмное время — и для науки, и для государства российского.

В те годы в российском обществе ощущался прилив патриотизма, связанный с победой над Турцией в войне 1828—1829 гг., и Россия получила возможность свободно проходить проливы Босфор и Дарданеллы. О высоком настрое свидетельствует, например, принятие 25 декабря 1833 года Государственного гимна «Боже, царя храни!» (музыка Алексея Фёдоровича Львова, слова Василия Андреевича Жуковского). В Санкт-Петербурге была воздвигнута Александровская колонна — аллегорический памятник победителю самого Наполеона (и основателю нашего журнала) Александру I. По проекту Карла Ивановича Росси завершено строительство зданий Сената и Синода. В Петербурге Павлом Львовичем Шиллингом фон Конштадтом изобретён и там же продемонстрирован первый в мире электромагнитный телеграф. А в Нижнем Тагиле заработала опять же первая в мире паровая железная дорога, построенная отцом и сыном Ефимом и Мироном Черепановыми. Женился на Наталье Гончаровой и написал несколько патриотических стихотворений Александр Пушкин; готовился к выпуску журнал «Современник».

Каждый номер журнала был капитальным собранием документов и исследований — на шесть-сот с лишком страниц!

Главным редактором журнала был в те годы соратник министра Уварова — Константин Степанович Сербинович. Друг Карамзина, Жуковского, литератор, переводчик, исследователь, он одновременно руководил журналом и канцелярией обер-прокурора Священного Синода. То есть — журнал возглавлял один из самых влиятельных идеологов николаевской эпохи.

Во второй части (номера именовались *частями*), в разделе «Высочайшие Повеления» среди 49 распоряжений по Министерству народного просвещения отметим, например, такие: «О передаче Губернских Библиотек под наблюдение Министерства Народного Просвещения»; «О пенсиях и единовременных пособиях Законоучителям светских Учебных заведений и их семействам»; «О предоставлении воспитанникам Гимназий Дерптского Учебного Округа права на чин 14-го класса за успехи в Русском языке и Словесности». О последнем — вот так государь стимулировал изучение русского языка прибалтийскими народами.

Приводится «Выписка из Положения о гражданских мундирах: описание мундиров по Министерству Народного Просвещения»; «О мундирах для Чиновников Румянцевского Музеума, Сибирских Губерний и Закавказского края».

Изобилие повелений о форменной одежде не оставляет сомнений, что вопрос этот тогда считался немаловажным. Так, в рескрипте «О форменной одежде для воспитанников Гимназий» сказано:

«...иметь мундир тёмно-зелёного сукна с тёмно-синим суконным же воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна, по Округам. Покрой как мундиров, так и положенных Студентам и воспитанникам Сертуков (здесь и далее орфография оставлена прежняя. — В.Ч., А.З.) иметь ныне существующий и носить им фуражки суконные тёмно-зелёные с околышком по цвету воротника».

Далее комментарий Министерства:

«Между тем, прежде нежели сие Положение было обнародовано, Государь Император повелевать изволил, чтобы вместо сертуков в Пансионах трёх С.-Петербургских Гимназий введены были для воспитанников куртки по Высочайше утверждённому образцу: при чём благоугодно было Его Величеству изъявить согласие и на предположение, чтобы кантики на фуражках воспитанников 1-й здешней Гимназии были красные, 2-й белые, а 3-й голубые.

По получении упомянутого Положения, Г. Министр Народного Просвещения испрашивал Высочайшего Его Императорского Величества Повеления: 1) оставить ли воспитанникам здешних Гимназий бывшие у них доселе синие мундиры с красными суконными воротниками, из коих на мундирных нашиваются петлицы из галуна, также приготовленные для них синие же куртки с красными воротниками и фуражки с особыми для каждой Гимназии кантиками, или на основании Положения о Гражданских мундирах иметь им впредь форменную одежду тёмно-зелёного сукна с петлицами на синем воротнике и околышком того же цвета на фуражке, наравне с Студентами; 2) в случае Высочайшего соизволения на первое предложение, не благоугодно ли будет распространить оное вообще на воспитанников и учеников всех прочих Гимназий, с таким потом распоряжением, чтобы куртки предоставлены были исключительно воспитанникам; вольноприходящие же ученики носили бы вместо того сертуки.

Государю Императору благоугодно было по сему докладу дать в 27 день Апреля собственноручную резолюцию: «Согласен; и цвет оставить тёмно-синий вместо тёмно-зелёного».

«В Министерских распоряжениях» среди необходимой рутины наподобие: «О дровах и свечах Училищным Чиновникам», «О сверхштатных издержках», «Определения и увольнения», «О разъездных деньгах» — есть и действительно серьёзные постановления, оставившие глубокий и добрый след в нашей истории: «О совокупном изучении Монгольского и Татарского языков в Казанском Университете» и «Об открытии Университета Св. Владимира в Киеве».

В «Отделении II. Словесность и Науки» мы видим жемчужины русской культуры, творения её корифеев.

Здесь первые публикации Николая Гоголя: «Отрывок из Истории Малороссии» и «О Малороссийских песнях». Эта его работа о песнях повторно опубликована в журнале «Народное образование» (№ 2 за 2002 год) без купюр и в орфографии, приближенной к авторской. Естественно, теперь уже не вернуть

Н.В. Гоголь
Автолитография
А.Г. Венецианова. 1834 г.

буквы ять, «и» десятеричное, фиту и ижицу, но можно, как мы считаем, вернуть заглавные, прописные буквы, которые ныне везде заменяются на строчные, поскольку игнорирование этого явления и бездумная подгонка текста XIX века под новую орфографию нередко искажают замысел великого классика.

Сейчас хорошо известно, что в произведениях классиков и, в том числе Н.В. Гоголя, из-за нерадения издателей, редакторов и корректоров содержится значительное количество ошибок — грубых подчас нарушений правил орфографии и пунктуации, принятых в 1956 году.

Ниже представлена статистика расхождений только одной публикации в «Журнале Министерства Народного Просвещения», а именно «О Малороссийских песнях» с текстом: Н.В. Гоголь. Соч. в 2-х т. Том 1 / Под общей ред. А.Ф. Стручкова. М.: Московский писатель, 2002. С. 896.

В этом красивейшем фолианте под суперобложкой девять раз вместо *всё* напечатано *все*. Вместо слова *мёд* — стоит *мед* (как будто это что-то медицинское). У Гоголя в журнальной публикации *Казак* пишется с заглавной буквы и через *а*, а у Стручкова почему-то *козак* и со строчной буквы — пять раз. Прописные буквы убраны в 26 случаях в словах: Поэзия, История, Украинские степи, Гетман, Природа, Христианство, Боже Всесильный, Поэт, Уния, Славянская Мифология. И большинство прописных букв в этих словах, нам представляется, авторские. Далее: в 1834 году в журнале напечатано *от того*, *несмотря что* (то есть без запятой между слов, что идентично современному *потому что*), а в 2002 году в этой книге — *оттого*, *несмотря, что*. Очень грубо ошибаются современные издатели, дважды печатая в приведённых на украинском языке цитатах вместо и десятеричного («*i*») — и восьмеричное. И наконец, наличие трёх купюр очень снижает значимость и поэтичность текста.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить, что вычёркивания из классика, — самый тяжкий против него выпад. А потому расскажем о всех трёх случаях.

В самых первых строках «О Малороссийских песнях» читаем:

«Только в последние годы — в эти времена стремления к самобытности собственной народной Поэзии — обратили на себя внимание Малороссийские Песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе. *Доказательством этому служат вышедшие недавно издания Гг. Максимовича и Срезневского*».

Выделенное в тексте — купюра, а господа-то — тридцатилетний Максимович и двадцатидвухлетний Срезневский — как были уважаемыми учёными в 1834 году, так ими и остались в 2013-м. Выдающаяся прозорливость Гоголя! Впрочем, как и редактора Константина Сербиновича и шефа журнала — министра Народного просвещения графа С.С. Уварова, о котором мы ещё расскажем обстоятельнее.

Непонятно, зачем нужно было заменять строчки песни, напечатанные в первой публикации:

Ой ревнула корова из череды йдучи:
Наскучило миленького ждучи.

— на совсем другие:

Шли коровы из дубровы, а овечки с поля.
Выплакала кари очи, край милого стоя.

И наконец, последний, самый болезненный, на наш взгляд, пример. Гоголь пишет: «Чтобы сколько-нибудь сделать доступною для незнающих Малороссийского языка глубину чувств, рассыпанных в этих песнях, привожу одну из них в переводе». (*Мы даём лишь два куплета, последний из которых отринут современными издателями.*)

... Чу! луга шумят, берега звенят, расцветает калина —
верно где нибудь мой милый, голубчик мой сизый,
с другою разговаривает».
Если с такою, как я, то... помоги ему, Боже! Когда
же не с такою, но с худшею — разлучи его, Боже!

Вместо последних двух — гоголевских! — строчек напечатаны девять, ничего с этим общего не имеющих, особенно в художественном отношении, строчек, которые нет смысла здесь приводить.

Дотошный читатель вправе спросить, а не подправляли ли тогда Николая Васильевича редакторы? Видимо, подправляли, но очевидно также, что он с этим соглашался (либо настаивал на своём). В подтверждение приводим две записки Гоголя Сербиновичу, в которых наш литературный кумир предстаёт во всём блеске. Что уж тут говорить, даже коротенькие записочки его — уже шедевр.

«Все ваши и Сергея Семёновича¹ замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил связь и связывают. Я нарочно так выразился, потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку. Так мне кажется. При том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за присовокупление к истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов: авось не застану ли вас! Теперь же сей час никаким образом не могу.

Много обязанный вам и чувствующий ваше благорасположение.

Н. Гоголь»

Вторая записка датирована 29 сентября 1834 года:

«Очень благодарен вам за присылку корректуры (так у Н.Г.). Если можно, то я бы просил у вас прислать сегодня и хвостик ея. Слова чутья никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатано. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих.

Желаю вам совершенного здоровья.
Остаюсь ваш покорнейший слуга. **Н. Гоголь».**

¹ Министра народного просвещения гр. С.С. Уварова.

Из этих записок видно, что Гоголю присылали из редакции корректуру, и он или соглашался с правкой, или был против неё. Так что четыре статьи Н.В. Гоголя (в то время адъюнкт-профессора Петербургского университета, читающего там лекции по Всеобщей истории), напечатанные в журнале в 1834 году, вычитаны им на редакционной стадии и не встретили его принципиальных возражений.

Вскоре автором журнала стал и школьный друг Гоголя — К.М. Базили.

В 1834 году Николай Васильевич опубликовал в Журнале Министерства народного просвещения четыре статьи — одна другой обстоятельнее: «План преподавания всеобщей истории», «О малороссийских песнях», «Взгляд на составление Малороссии» и «О Средних веках». Исследователи творчества великого писателя связывают эти статьи с замыслом повести «Тарас Бульба». Несомненный патриотический пафос и впрямь роднит этот художественный шедевр с образцами публицистики Гоголя. Автором журнала стал в те годы и единомышленник Гоголя, великий русский поэт (и педагог — воспитатель наследника престола Александра Николаевича!) Василий Андреевич Жуковский.

Кроме того, в «Отделении II. Словесность и Науки» журнала за 1834 год есть и другие любопытные публикации. Например, «Сказание о Семирамиде» профессора Дерптского университета К.Л. Блума, а также знаменитая работа профессора Фридриха Клоссиуса «Библиотека Великого Князя Василия IV Иоанновича и Царя Иоанна IV Васильевича».

В статье Клоссиуса, в частности, на 22 страницах идёт захватывающее повествование об открытии, исследовании, составлении каталога библиотеки и... исчезновении этого сокровища мировой культуры. Читаем:

«Великий Князь Василий Иоаннович, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему предшественниками, нашёл множество Греческих книг. Он захотел узнать короче содержание оных; но как не было никого, разумевшего по-Гречески, то Великий Князь просил Константинопольского Патриарха прислать человека, который мог бы сделать описание этому книжному сокровищу. Патриарх нашёл в Обители Благовещения на Афоновой горе двух способных для сего дела мужей-Иноков: Даниила и Максима, из которых и избрал последнего. Максим, родом Албанец, учился философии и Словесности в Париже у Януса Ласкериса и был совершенно способен для замышляемого труда. В 1506 году прибыл он в Москву и с честью принят Великим Князем и Митрополитом Симоном. Когда Великий Князь показал ему Греческие книги, то Максим, изумлённый великим множеством оных, воскликнул в восторге: «Государь! вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где Латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших Богословов, спасённые моими единоземцами от варваров Магометовых». Великий Князь поручил ему осмотреть Библиотеку и перевести на Славянский язык те книги, которые ещё не были переведены. Максим сделал опись всем ещё не переведённым творениям и вручил оную Великому Князю, который повелел отложить сии книги особо, а перевод начать с *Толковой Псалтыри*».

Статья завершается так:

«Мы должны предположить, что Царь, оставляя Слободу Александровскую, увёз с собой в Москву и свою Библиотеку (если только она была привезена туда из Москвы в 1564-м или в 1566 году), и что она погибла во время смутений при Лжедмитриях, может быть, при сожжении Москвы в 1611 году».

Не знаем, сохранилась ли библиотека или нет, но известен факт, что в 70-е годы XX века во время работы в Кремле по укреплению проседавших фундаментов его зданий и храмов несколько тысяч кубометров бетонного раствора было закачено в совершенно неисследованные пустоты в недрах Кремлёвского холма. Может, там и находилась пропавшая библиотека? Если верно считается, что «рукописи не горят», то как хотелось бы верить в то, что когда-нибудь найдётся этот книжный клад!

2

Обращает на себя внимание статья профессора, заведующего кафедрой ботаники Московского университета Михаила Александровича Максимовича (1804–1873) «Явноцветные и Тайноцветные растения». Выпускник первого нашего университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, он имел широкий круг научных интересов, в одном лице был естествоиспытателем, историком, этнографом, филологом, фольклористом. Ранее, в Киеве, возглавляя с 1834 года кафедру русской словесности в Университете Святого Владимира, Максимович издавал альманах «Киевлянин», в котором публиковались историки М.П. Погодин, С.М. Соловьёв и многие другие. Ещё в 1826 году он познакомился с Александром Сергеевичем Пушкиным, впоследствии их связали долгая дружба и совместная работа. В 1830, 1831 и 1834 годах Максимович издал три выпуска альманаха «Денница», в которых, помимо Пушкина, были опубликованы Евгений Баратынский, Пётр Вяземский, Фёдор Глинка, Антон Дельвиг, Фёдор Тютчев, Николай Языков. Среди многого, что Максимович написал и опубликовал сам, есть, например, «Краткий букварь для русского народа», выдержавший 4 издания.

В рубрике «Новости и смесь» привлекает внимание сообщение о книге «Путешествие Иоганна Штрауса с 1647 по 1673 год по Италии, Греции, Московии, Татарии, Персии, Турции, Японии и Ост-Индии». Нас, конечно, в первую очередь заинтересует его путешествие в Московию, предпринятое по предложению царя Алексея Михайловича, намеревавшегося при помощи голландцев завести на Каспийском море судоходство. Штраус, вступив в царскую службу, проехал через Москву до Астрахани и описал образ жизни, нравы и поверья москвитов. Рецензент книги пишет о судьбе самого автора: «Разбой Разина, воспрепятствовавшие исполнению благого намерения Царя, дали другое неожиданное направление предприимчивому Штраусу. Спасаясь бегством от свирепости Козаков, он вместе со своими товарищами взят в плен Татарами на берегах Дагестанских и претерпел продолжительное рабство у Татар и у одного Персиянина, которому был продан. Но всё, слава Богу, кончилось благополучно, и книга Штрауса стала уникальным достоверным источником сведений о русской старине и весьма примечательной эпохе нашей истории.

В разделе 4-м «Разные известия» читаем об обнаружении одним любознательным дворянином всеми заброшенного захоронения «родной сестры Императрицы Екатерины I» около храма Большого Вознесения, где венчался Пушкин (улица называлась тогда Царской). И из уст краеведа вырывается горький упрёк родственникам императрицы — Скавронским и Самойловым, что забыли и не ухаживают за могилой.

Печатается сообщение об обнаружении новой кометы и основании в городе Майнце Общества для сооружения памятника изобретателю книгопечатания Гуттенбергу.

Государь не оставляет без внимания дела народного просвещения, лично утверждая положения о домашних наставниках и учителях; о необучении солдатских детей, прижитых отцами; о дозволении определять при училищах особых бухгалтеров и прочее.

Министерство, наряду с мелкими распоряжениями, например, «О разделении должности Учителя Рисования, Черчения и Чистописания в Учебных заведениях С.-Петербургского Округа», публикует и более серьёзные: о введении преподавания греческого языка в гимназиях крупных городов — Ярославля, Твери, Тулы Рязани; об экзаменах лицам, желающим занять места учителей в Сибирских гимназиях и др.

В журнале заметно представлены материалы на еврейские темы: «О Духе Еврейской Поэзии» профессора Московского Университета, известного поэта и литературного критика Степана Петровича Шевырёва (1806–1864); «Об образе Правления у Хазаров» В. Григорьева; «Евреи в Средних Веках. Историческое исследование политического, коммерческого и литературного их быта, соч. Деннинга»; «Еврейские школы в Нидерландах»; «Одесское еврейское училище», «Новое Постановление Правительства относительно образования Евреев, живущих в России» и многое другое. Шевырёв и Краевский были наиболее активными сотрудниками журнала в 1834–1835 гг. Краевский выступал с обзорами журналов и книг, к которым историки русской литературы будут обращаться во все времена.

И опять, уже в третий раз, — публикация новой статьи адъюнкт-профессора С.-Петербургского университета Николая Гоголя — «О Средних Веках». (Она перепечатана без изъятий в «Народном образовании», № 3 за 2002 г.)

А вот несколько сообщений из раздела «Известие о разных трудах профессоров». Сообщается, что в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессор Постельс вместе с флигель-адъютантом Его Императорского Величества капитаном 1-го ранга Фёдором Петровичем Литке (1797–1882) (он в 1864 году стал президентом Петербургской АН) занимается изданием в свет их путешествия вокруг Света на шлюпе Сенявина. Профессор Устрялов, издав «Сказания Князя Курбского» в двух томах, готовится к изданию три тома продолжения «Сказаний современников о Дмитрие самозванце»; сверх того он занимается сочинением «О военном искусстве древних Россиян до времён Петра Великого».

В Московском университете заслуженный профессор Иван Алексеевич Двигубский (1771 или 1772–1839), продолжая издание «Опыта Естественной Истории Российских животных», напечатал шестую книжку о рыбах; профессор Максимович (о нём см. выше) — «Книгу Наума о великом Божьем мире», «Украинские песни», «коих собрано у него более 1000»; профессор Перовщиков напечатал 9-ю книжку «Ручной математической энциклопедии» и второе издание «Геометрии»; профессор Михаил Петрович Погодин (1800–1875), впоследствии академик, «занимается исследованиями о Русской Истории, преимущественно о периоде Бориса Годунова».

Журнал к тому же не забывает следить за происходящим за рубежом и публикует: «Краткий обзор хода Наук в Западной Европе в течение первых двух третей 1833 года», «Причина безнравственности во Франции, изъяснённая Виктором Гюго», «Влияние образованности на число Уголовных дел», «Народное просвещение в Швейцарии» и даже «Успехи гражданского образования на Сандвичевых Островах».

Сейчас, по прошествии 170 лет, можно, конечно, подивиться пристрастию монарха вникать в мельчайшие детали школьной форменной одежды. Но Николай I зато глубоко и всесторонне занимался штатами работников просвещения и оплатой их труда. Приводим небольшой фрагмент «Примерного штата Гимназий и Уездных для Дворян и мещан Училищ», утверждённый императором и подписанный председателем Государственного совета князем В. Кочубеем (стр. 40).

Но не зря говорят: «От великого до смешного один шаг». О создателе неевклидовой геометрии великом математике Николае Ивановиче Лобачевском (1792–1856), на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» например, напечатано: «Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения изъяснил свою признательность Ректору Казанского Университета *Лобачевскому* за отличное составление годового Отчёта (3 марта)».

Просвещение читателей журнала по самому широкому кругу проблем — непрерывная забота его создателей. Публикуются, в частности, такие серьёзные вещи, как «Об Истории Славянских Законодательств Марцеёвского» (кстати, журнал букву Ё печатает!); «О пределах, в коих должны быть изучаемы и преподаваемы Права Политическое и Народное»; «Указ Царя Бориса Фёдоровича 1602 г. о крестьянах»; «Древнейшее изображение Русских Князей XI века, вновь отысканное и представленное Государю Императору» и многое другое.

В журнале иногда помещаются иллюстрации, например, рисунок самоездной коляски (см. рис.).

Забываясь о повышении своего тиража, журнал публикует «Список местам и лицам, подписавшимся в 1834 году на журнал Министерства Народного Просвещения,

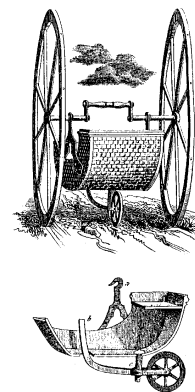

Рисунок самоездной коляски как первого безлошадного средства передвижения появился в журнале в годы, когда иллюстрация была крайней редкостью.

3

А.В. Кольцов

В 1836 году «Журнал Министерства Народного Просвещения» публикует два стихотворения Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842) — думу «Великая тайна» и «Песню пахаря». Эти шедевры русской поэзии сопровождаются рассказом о самом авторе: «Воронежский мещанин, 26 лет от роду, ремеслом прасол, т.е. торгующий скотом, скототорговец. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образования, и, пробывши год с небольшим в Уездном Училище, он едва только выучился грамоте; а занятия, ожидавшие его за порогом Учебного Заведения, отнимали средства к утолению жажды к чтению и Науке, заронённой в душу его самою Природою. <...> Он пейзажист оригинальный, неподражаемый, который в простых группах и очерках, снятых, по-видимому, наудачу с первого попавшегося на глаза предмета, умеет вдохнуть и прелесть, и жизнь, и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную — черта таланта истинного...» Так представлял Кольцова читающей публике наш журнал. Сейчас нам известны драматические перипетии жизни великого поэта русской деревни, основателя замечательной поэтической традиции, продолженной Никитиным, Суриковым, Дрожжиным, Клюевым, Есениным, Исаковским, Твардовским... Да, Кольцов первым из русских поэтов по-настоящему прикоснулся к миру фольклора, воспитав себя в его стихии. В 16 лет он познакомился с русской поэзией — с Пушкиным, Державиным и был поражён напевности их произведений. А песни, народные песни, он слышал с детства. Мальчик обучался в уездном училище, но отец прервал его образование: властному прасолу был необходим помощник по торговой части. В 1830 году в Воронеже Алексей Кольцов знакомится с Николаем Владимировичем Станкевичем (1813—1840) — философом, литератором, ярчайшим питомцем и лектором Московского университета. Коренной воронежец, Станкевич первым оценил талант Кольцова, ввёл его в литературный круг. В 1831 году пушкинская

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет петь, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихой молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, Боже,
Хлеб — моё богатство!

«Литературная газета» опубликовала первое стихотворение А. В. Кольцова. А в 1835-м году Белинский и Станкевич издают первую книгу Кольцова, состоящую из восемнадцати стихотворений. Затем два стихотворения Кольцова оказались в нашем журнале...

Тогда, в 1836 году, Кольцов побывал в редакции и получил там экземпляр со своей публикацией. В Петербурге ему удалось также встретиться с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, К.И. Крыловым, П.А. Вяземским. Ещё раз он посетит Северную столицу в 1840 году, а двумя годами позже в Воронеже молодого поэта настигнет чахотка, унёсшая его жизнь.

Истинно русское начало и два века спустя превращает поэзию Кольцова в чудо. Его «Хуторок», «На заре туманной юности» — это наша речь, наш народный характер. С детства каждому из нас знакомы строки кольцовского «Косаря» (1836 г.), так удивительно точно выразившие русский характер:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!

Алексей Кольцов — один из первых наших поэтов, удостоенных памятника на Родине. Памятник воронежскому певцу воспринимаются сейчас и те две старинные публикации в нашем журнале. Позабывать о таком авторе — невозможно!

4

В седьмой части журнала (1835 г.) сообщается о посещении императором Новгородской гимназии, а также «О пробных лекциях Университетских воспитанников, недавно возвратившихся из-за границы». Последнее сообщение — это, видимо, быстрая реакция на монарший рескрипт «Об испытании молодых Учёных, возвратившихся из чужих краёв».

Поражает широта тематики журнала уже в первые годы его существования. Перечислим лишь несколько опубликованных материалов: обзор Андрея Александровича Краевского (1810–1889), знаменитого впоследствии философа и филолога, — «Богословие и Церковная История — Философия — Педагогия»; «Беседы, служащие к объяснению образа мыслей и стихотворений Гёте, соч. Гёшеля»; «Летопись Нестора, переведённая на Французский язык с печатного Кёнигсбергского списка, Г. Луи Пари»; «Литературные разборы и портреты, соч. Сент-Бёва» (буквы Ё в тексте 1835 г. стоят!); «Изучение Египетского письма, иероглифов и языка, также надписи в Розетте, соч. Г. Аббата Графа де Робиано»; «Обитаемость Луны»; «Новый снаряд для физических опытов» и даже информация об «Обществе для прекращения нищенства в Страсбурге».

На первом этапе своей истории в 1830 годы журнал выполнил главную задачу: вписал своё имя в контекст русской культурной жизни. И на его страницах заблистали драгоценные имена гениев Золотого века нашей словесности.

Это был лучший в России журнал, посвящённый гуманитарным наукам — прежде всего, истории и истории литературы. К вопросам педагогики журнал до поры до времени обращался нечасто.

